

Не так часто появляется возможность встретиться с писателем, тем более если этот писатель проживает в другом городе или другой области.

И тем не менее 4 октября 2017 года благодаря Кемеровской областной и Алтайской краевой библиотекам, в рамках Дня книги Алтайского края в Кузбассе, состоялась встреча читателей с алтайскими писателями – прозаиком Анатолием Владимировичем Кирилиным и поэтом, бардом, иллюстратором и

дизайнером книг Александром Александровичем Карповым.

Чего греха таить, при нынешней разобщённости не только читатели мало знают о своих пишущих со-седах, но даже и коллеги-писатели.

Правда, кемеровчанам, заглядывающим на стра-ницы журнала «Огни Кузбасса», всё же удаётся про-читать хотя бы некоторые рассказы того же Анатолия Кирилина. Да и в библиотеке, к счастью, имеется не-сколько его изданий.

Мне повезло в этом отношении больше: в июле 2004 года, когда на родине В. М. Шукшина отмечали 75-летний юбилей, а на горе Пикет был открыт заме-чательный памятник этому сибирскому классику, в Сростках, и в Бийске довелось познакомиться с Ана-толием Владимировичем Кирилиным.

Теперь же это знакомство укрепилось уже в нео-фициальной творческой встрече, в более тесном дружеском общении. И я стал обладателем книги Анатолия Кирилина «Семена для попугайчиков» с его тёплым автографом.

Книга «Семена для попугайчиков», пожалуй, явля-ется раритетом, поскольку издана она аж в Канаде, хотя и на русском языке. Не правда ли, уже в самом заглавии кроется некая интрига: ведь книга-то не из разряда детских или рассчитанных на юннатов и вла-дельцев домашних попугайчиков.

Сея книга – художественное произведение, ро-ман. А я бы даже склонен был обозначить её как эссе, поскольку философских размышлений и обоб-щений в ней, пожалуй, поболее, чем сюжетной пове-ствовальности.

А поскольку книга эта – весьма серьёзная, то не трудно догадаться, что в самом сочетании «Семена для попугайчиков» кроется некий глубинный фило-софский смысл, облачённый в полисемичную лите-ратурно-художественную метафору.

Но сначала, в общих чертах, о сюжете. Главный герой, в котором нетрудно усмотреть самого автора (и обозначенный его инициалами – А. В.), – человек уже почтенного возраста, в районе лет шестидесяти. Он – бывший профессиональный журналист (хотя бывают ли бывшие в таком случае?), потерявший не только работу, но и жену. У него два сына – старший, живущий отдельно (и практически не появляющийся в романе), и младший – студент-первокурсник. Пои-ски работы и средств, чтобы элементарно прокормить себя, обути, одеть и выучить сына-студента. И всё это подано в контексте конкретного времени – последних десяти-пятнадцати лет нашей истории. Так что внешне – довольно хорошо знакомо и ассо-циативно узнаваемо. Тем не менее...

Не мною сказано, что книга – это зеркало, а за-глянувший в неё осёл не увидит в ней святого Павла. Эротоман нашёл бы в ней немало сексуально-эротич-еских сцен, впрочем поданных весьма корректно. Философ, вероятно, приятно удивился бы познания-ми автора в философии Канта, Шопенгауэра,

Ницше, Кьеркегора и его последователей-экси-стенциалистов – Камю, Сартра, Кафки... Политолог попытался бы найти в этой книге отзвуки на набол-левшие вопросы современности, а начинающий бизнесмен и рыночный торговец – увидел бы там свои проблемы.

Попробую и я заглянуть в это зеркало. А уж к кому отнести меня после моего прочтения этой книги-зер-кала – судить не мне.

В том-то всё и дело, что настоящий писатель (а Анатолий Кирилин таковым, бесспорно, являет-ся), как говаривал небезызвестный Козьма Прутков, зрит в корень! Вот потому-то и прибегнул Анатолий Кирилин не только к изображению реалистических картин повседневности, но и к метафоричности.

Что же увидел я в этой метафоре: *попугайчики и корм (семена)* для них?

Впервые с этим в книге мы сталкиваемся, когда как бы случайно, среди множества пёстрой и бес-толковой компьютерной рекламы и спама встреча-ется объявление: «Продаём семена конопля для по-пугайчиков». Казалось бы, ну и что тут такого? Се-мена конопля – и впрямь одно из любимых лакомств попугайчиков (знаю не понаслышке, сам держал бо-лее десяти лет волнистого голубого попугайчика и даже написал мини-повестушку о нём). Однако уже тут возникает некое подозрение, а не кроется ли за этим в общем-то безобидным объявлением инфор-мация об интернет-торговле... наркотиками? Ведь конопля-то – исходное сырьё для «травки», правда, не всякая...

Теперь о попугайчиках. Первый эпизод: наш ге-рой, будучи на родине знаменитого писателя-земля-ка (Шукшина, кого ж ещё?), вдруг случайно увидел стайку пернатых птишек, оседлавших провода от столба до столба. «Пригляделся, и не поверил гла-зам своим – попугайчики! <...> никаких сомнений, самые настоящие волнистые попугайчики – лимон-ные, оранжевые, голубые, зелёные... Какие только окраски этих птиц ни доводилось мне видеть – все здесь...»

И потом, по ходу книжного повествования, то там, то здесь появляются попугаи и попугайчики – от реальных и до самых фантазмагорических и гроте-сковых...

Так кто же они, эти разномастные попугаи и попу-гайчики? Мне видится в этой метафоре наш народ – такой разный и разнокалиберный – от бомжа и про-ститутки и до чиновников самого высокого ранга и урваня!

А раз так, то и показывает этих попугайчиков ав-тор в самых мыслимых и немислимых ракурсах и картинах – от невероятно реалистичных и узнавае-мых и до ассоциативных пьяно-бредовых и сонных фантазмагорий и метаморфоз. И как тут не вспом-нить средневековых художников Иеронима Босха, Питера Брейгеля, Альбрехта Дюрера или более позднего Франциска Гойю?

162

А теперь моя личная ассоциация. Всё то же юбилейное торжество 2004 года на горе Пикет в Сростках. Мы, писатели и артисты, в числе вип-персон, сидим на гостевой сцене-трибуне. А по склону горы, напротив нас, от памятника Шукшина – порядка 50 тысяч приехавших из разных концов нашей страны (и даже ближнего и дальнего зарубежья) – пёстрая толпа людей... Внимают, лицезреая, казалось бы, с огромным интересом всем выступающим. А между тем, даже из наших пишущих собратьев кое-кто в сторонке (не на сцене), кучкуясь, пьёт украдкой вино (из горла) и играет в карты...

Вернёмся же к семенам конопля. Уж коли сами попугайчики – придуманная автором многозначная аллегория-метафора, то и семена (корм для них) должны быть не менее, если не более, полисемичными. В этой метафоре мне видится всё то многообразие плотской и духовной пищи, чем питается и живёт наш современник.

Вынесем пока за скобки «семена» как пищу естественную, в виде еды и питья. Хотя и этой пищи на страницах романа предостаточно: чего только стоят описания походов нашего героя вместе с женой на овощные рынки южно-курортного города, посадка и копка картофеля (у себя на даче), сбор грибов, гурманские поедания шашлыков и прочих деликатесов! А питие! Как повсеместно смакует автор употребление портвейна! Именно портвейна, а не водки, коньяка, martini или сухого вина! В этом самом портвейне мне ностальгически видится и своя молодость (а с автором мы практически ровесники) – и дёшево, и сурдито! (А ведь попробуйте купить в магазине сейчас настоящего недорогого портвейна крепостью в 18–19 градусов, а не 13–15-градусного суррогата из виноматериалов в красивых бутылках с расписными этикетками!)

Семена для попугайчиков, мне думается, это прежде всего – пища духовная! И вот тут-то, как любил говаривать недавний политический деятель, и вся «собака порылась!» Вот ради этих-то самых «семян», мне представляется, и писался роман!

И в них, в эти «семена», автор вложил всю свою боль, чаяния, вплоть до отчаяния! Случайно ли в романе на переднее место выдвигается младший сын нашего героя – 17–18-летний студент? Думается, что нет. И через то, какими «семенами» кормится этот «попугайчик», мне видится отражение и показ автором извечного конфликта отцов и детей. При этом, пропадая в интернетных соцсетях, с засильем тухлой пищи-отравы в виде пошлых реклам и рекламного спама, этот «попугай» – своего рода «белая ворона» среди сверстников. Он-то уже умеет отличать настоящие «семена» от плевел и суррогата. Ему далеко чужды нравы уличных гопников. Он даже пытается «продвинуть» своего отца. Он находит себе подобных блогеров (через те же соцсети), став членом маргинального «асоциального общества», и даже умудряется, заранее предвидя, обвести вокруг

пальцев «попугаев» из «команды К», удалив из своего компьютера весь интересующий их «криминал».

Понять, чем же питается, какими «семенами», наша смена, – задача не из лёгких. Такие попытки со стороны нашего героя имеются. Хотя сам автор на встрече с читателями откровенно признался, что «не догоняет» своих продвинутых детей – детей «поколения цифры и рэпа».

Да что там смена, новое поколение? Если и своих-то сверстников, друзей, одноклассников узнавать и понимать перестали? Что за метаморфозы произошли с нами, что за мимикрия нас одолела? Уж не те ли отравленные «семена» всему виной? Ещё недавно был друг, коллега или партнёр по бизнесу, а сегодня он уже – внаглую отпирается и не собирается возвращать одолженные или вложенные в общее дело деньги... Ещё вчера клятвенно заверял помогать в трудную минуту, а сегодня – от ворот поворот... «Никто из «успешных» не видит пределов, а это рождает всё новые и новые проблемы...»

Великий Пушкин, создавая «Моцарта и Сальери», утверждал, что гений и злодейство – вещи несовместимые. И нас приучили в это верить. А вот в романе, где показан вывернутый наизнанку и поставленный с ног на голову наш реальный сегодняшний мир, в одном из персонажей совершенно спокойно уживаются любовь к творчеству Пушкина и килерство («А он читает Пушкина! И стреляет в людей! И читает Пушкина!»). Правда, читать Пушкина – ещё не значит быть гением.

Склёванные семена с бациллами мелкоторгашества и наживы довольно быстро поражают даже здоровый организм вирусом торгашества, несущим цепную реакцию, перерастающую в эпидемию. В XIX веке русские купцы и разночинцы стремились отправить своих чад учиться в университеты, дать образование, вывести в ряды первой волны интеллигенции. Теперь процесс пошёл в обратную сторону: образованные и интеллигентные люди, в силу обстоятельств, вынуждены заниматься торгашеством. Очень показателен в этом отношении эпизод, в котором изображён придорожный рынок-базар на окраине большого села, где родился и некоторое время жил знаменитый писатель (читай: Сростки и Шукшин). Этого базара, к примеру, ещё не было в 2004 году, а через три-четыре года (сам видел, дважды проезжая и останавливаясь там по дороге в Чемал и «Бирюзовую Катунь») скороспело вырос целый торговый городок, где втридорога предлагают всем проезжим свой разнообразный ширпотреб. «Цены на рынке запредельные, однако проезжающие непременно останавливаются и берут товар, не торгуясь. Моя музейщица рассказывает, что тоже иногда приторговывает здесь молоком. А что делать? На музейную зарплату не прожить». И на всё это с горы Пикет, наморщив лоб, взирает босой, задумчиво сидящий восьмиметровый бронзовый Шукшин...

163

«Куда несёт нас рок событий?» – этим далеко не праздным вопросом мучился не только один гениальный поэт Сергей Есенин. Для чего мы приходим в это мир и каково наше предназначение в нём? Как докатились мы, бывшие советские люди, за сравнительно короткий исторический промежуток до эпохи тотального вранья, откровенного грабежа, мошенничества и циничной безнаказанности?!

Неужто и впрямь не за горами пророческий библейский апокалипсис?

Как, какими средствами и приёмами показать и изобразить всё это? Тут одних реалистических красок, видимо, недостаточно. Вот и присутствуют в авторском арсенале наравне с предельно реалистичными сюжетными этюдами – то полотна сонной-бредовой фантазмагии, то картины алкогольно-наркотической прострации и эйфории.

При созерцании реалистичных картин осеннего увядания природы герою романа приходит в голову философская параллель: «уходящая натура, уходящая жизнь»; что и сама-то жизнь – есть не что иное, как уходящая натура, каждый её день, каждый час.

«Почему мы перестали жить? – задаётся вопросом А. В. – Нас сломала какая-то несчастная смена власти, приход новых жуликов на смену прежним? Не много ли им чести? А ну, как нам в действительности представилась редкая возможность быть счастливыми, а мы не сумели её распознать, разминулись в каком-то переходе? ...Куда сбежала наша радость? Может, она слишком долго жила с нами бок о бок? И ей надоело?»

И ещё. Встречи одноклассников. «Появилось в наших встречах нечто новое – тоска по утраченному... Сильнее всего – ощущение утраченного времени...»

Власть и деньги. Деньги и власть. Да не от дьявола ли всё это?

А сколько мишуры и махинаций вокруг якобы выборов во власть?

«Выборы... Державное предательство с одной стороны, и какая-то немислимая оторопь – с другой. Власть не оставляет никаких шансов нашим детям. Против заговора нескольких сотен нечего противопоставить миллионам... При нашей избирательной системе результаты известны заранее... Народ увял, будто из него выкачали жизненные соки в пользу немногих расцветших и распухших... Эгоизм и эгоцентризм на современной российской почве не снились Гоббсу, Гельвецию и Рикардо!»

Не это ли результаты и последствия от наркотического употребления «попугайчиками» «семян конопля»? А склёвывать их способствуют засилье рекламы на расплодившихся и купленных СМИ, мошеннические зазывалы и оболванивающие обещания. В этом плане весьма ярко подан эпизод на Кипре, когда доверчивым туристам пытаются впарить акции совладельцев туристических отелей, предоставляя для этого «бесплатные» автобусы, экскурсии

по супер-отелю, ланч и подарки... (Признаться, на эту удочку с бесплатной «семенной» наживкой наилучше попались однажды и мы с женою, у нас, в Кемерове).

Наше время – время бешеных скоростей. Не с него ли начала свой ускоряющийся путь ещё та самая гоголевская «Русь-тройка»? С вопросом: «Куда несёшься ты?», оставленным гением без ответа.

А вот и А. В. приходит к выводу, что «человеку необходима не прививка от безумия, а самая простая радость... Весь этот мир богатеющих и терпящих бедствие, называемое счастьем, живёт на великой скорости и в постоянном страхе. Он жесток и безжалостен и... беззащитен этот их мир».

Насколько мудра и жизненна русская пословица: «что имеем – не храним, потерявши – плачем»!

Вот и приходится плакать нашему герою (и нам вместе с ним) по потерянному. И в глобальном масштабе, и в собственном микромире. А потери глобального, масштабного экстраполируются уже и на личные потери.

И эти утраты, потери в микромире отражаются через смерть жены. К ней наш герой возвращается на протяжении всего романа. Увы, не всё и не всегда при совместной жизни было радужным и безоблачным. Однако...

Очень многое и как бы случайно напоминает ему об этой потере: то агатовый талисман-оберег, то перстень, то потёкшие от побелки стены и запачканные обои, то музыка, то разбившаяся фарфоровая кружка или томик стихов, то фотография жены в рамке с потрескавшимся стеклом... И веришь, сопереживая, как же трудно жить в доме любимого и умершего...

Как и вся книга, иносказательна в ней и концовка.

С одной стороны, это видение нашим героем (через экскурсию) гигантского каменного города, согбенного старца в рубище, оказавшегося Серафимом Саровским, сказавшем, что «земли уже нет, её опустили...», а избранных людей переселили на Сирус Б, устроив там специальный отстойник, с другой – не менее мистический пропущенный вызов на телефоне, в котором определитель вызовов высветил лаконично: «ГАЛЯ». Надо полагать, так ещё раз напомнила о себе ушедшая три года назад из жизни жена...

Спасёт ли наш опрокинутый мир возвращение к натуральному образу жизни как единственный путь спасения? Как знать. Но то, что попугайчикам необходимо для корма совершенно иные семена – вне сомнения.

Вот всё это и многое другое увидел я, отражённо, в зеркале-книге Анатолия Кирилина «Семена для попугайчиков».

А может быть, автор замышлял показать совсем иное?

Виктор АРНАУТОВ,
г. Кемерово